РАЗСКАЗЫ ДОКТОРА ЕВРОПЕУСА О ГРАФѢ АРАКЧЕЕВѢ.

ПРЕЖДЕ нежели передавать разсказы доктора Европеуса о графѣ Аракчеевѣ, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ разсказчикѣ, такъ какъ онъ былъ личностью весьма замѣчательною и популярною въ Новгородѣ. Иванъ Исаковичъ Европеусъ поступилъ на службу докторомъ въ Военныя Поселенія въ 1819 году, а съ 1832 г. состоялъ старшимъ докторомъ Новгородскаго военнаго госпиталя, и я засталъ его въ Новгородѣ въ 1853 году уже въ почтенныхъ лѣтахъ. Онъ имѣлъ обширную практику, былъ весьма опытнымъ докторомъ, въ особенности — дѣтскимъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Дѣйствительно, самая наружность его возбуждала симпатію. Это былъ человѣкъ небольшого роста, сѣдоватый, очень опрятный и бодрый, съ прекрасными голубыми глазами, выражавшими необыкновенную доброту и душевное спокойствіе. Характеръ имѣлъ ровный, голосъ мягкій, и одно его появленіе успокоивало больныхъ, а ласковое обращеніе и предупредительное вниманіе совершенно очаровывали паціентовъ. Въ особенности любили его дѣти, которыя, какъ только пріѣзжалъ Иванъ Исаковичъ въ чье либо семейство, сейчасъ выбѣгали къ нему навстрѣчу и ласкались. Онъ самъ очень ихъ любилъ, гладилъ по головкѣ и своими добрыми шутками возбуждалъ ихъ задушевный смѣхъ. Европеуса зналъ весь городъ, въ особенности бѣдный людъ, который онъ лѣчилъ даромъ и нерѣдко, посѣщая какихъ нибудь бѣдняковъ, самъ еще не только покупалъ имъ лѣкарства, но и помогалъ деньгами. Интересно было придти къ нему утромъ, когда съ 8 до 10 часовъ онъ принималъ всѣхъ безмездно.

На стульяхъ въ прихожей сидѣли крестьяне и нерѣдко нищіе въ своихъ лохмотьяхъ, а на ларѣ превосходительный докторъ—лично промывалъ раны на ногѣ какого-нибудь мужичка или собственноручно дѣлалъ на ней перевязку. Въ залѣ ожидалъ своей очереди народъ почище: чиновники, купцы, мѣщане, а посрединѣ ея на кругломъ столѣ лежала благодарность доктору, преимущественно—трубка холста, пятокъ яицъ, мотокъ нитокъ и т. п. сельскіе продукты. И этотъ пріемъ, и безмездное лѣченіе больныхъ производились ежедневно въ теченіе многихъ лѣтъ съ необыкновенною точностью и акуратностью. За то въ Новгородѣ про Ивана Исаковича ходилъ такой анекдотъ. Однажды зимою онъ засидѣлся гдѣ-то вечеромъ въ гостяхъ, а кучеръ за нимъ не пріѣхалъ. Тогда онъ рѣшился идти домой пѣшкомъ. На пустынной площади, на него напали два мошенника и сняли съ него шубу.

— Братцы,—сказалъ хладнокровно Иванъ Исаковичъ, что вы дѣлаете,—я уже старъ, до дому далеко: простужусь и умру.

— Да кто вы такой?—спросили мазурики.

— Я Иванъ Исаковичъ Европеусъ—докторъ.

— Ахъ, батюшка, Иванъ Исаковичъ,—сказали они,—извините, мы думали, что кто нибудь другой—и, подавши ему шубу, прибавили: мы ужъ васъ и проводимъ, чтобы васъ не обидѣли; и, дѣйствительно, проводили его до дому.

Когда въ 1861 году уже 65-ти лѣтъ отъ роду, онъ вышелъ въ отставку, чтобы ѣхать на покой въ Псковскую губернію въ усадьбу своей замужней дочери, съ нимъ случилось несчастіе, а именно онъ вывихнулъ себѣ ногу, но заботливость и искусство сапернаго доктора Гугенбергера излѣчили Европеуса. Гугенбергеръ не отходилъ отъ больного, какъ сидѣлка, и скоро его поправилъ. Интересно было видѣть проводы Ивана Исаковича, когда онъ шелъ на пароходъ, чтобы уѣхать изъ Новгорода. Конечно, его провожала и интеллигенція, но улица была положительно запружена бѣднымъ народомъ и, притомъ, не только мѣщанами и крестьянами изъ окрестныхъ деревень, но здѣсь были видны и нищіе со всего города. На глазахъ лохмотниковъ блестѣли слезы, многія старушки голосили: «закатилося наше солнышко красное, уѣзжаетъ благодѣтель нашъ—свѣтъ—Иванъ Исаковичъ!» словомъ, никогда въ жизни я не видалъ такой оригинальной толпы, какъ на проводахъ Европеуса.

Въ то время какъ Иванъ Исаковичъ лежалъ съ больною ногою въ номерѣ одной изъ нашихъ гостинницъ, потому что квартиру свою онъ уже сдалъ, такъ какъ его семейство уѣхало въ Псковскую губернію, я ходилъ его провѣдывать и просилъ его разсказать мнѣ о графѣ Аракчеевѣ. Возвратившись домой, я записывалъ эти разсказы и потомъ прочитывалъ ихъ ему. При одномъ изъ переѣздовъ моихъ съ квартиры на квартиру рукопись эта затерялась и я только недавно, совершенно случайно, нашелъ ее въ мо-

ихъ бумагахъ. Хотя воспоминанія самаго Европеуса и были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1872 года, но сличивъ теперь записанное мною съ напечатаннымъ, я нахожу, что моя рукопись во многихъ мѣстахъ дополняетъ разсказъ Европеуса, и потому считаю не лишнимъ ее напечать.

И. Можайскій.

Трудна была моя служба въ округѣ. Каждый день я долженъ былъ объѣхать 40 верстъ и даже обѣдать на телѣгѣ. Такимъ образомъ, отправляясь на практику въ 5 часовъ утра, я возвращался домой не ранѣе 11 часовъ вечера. При въѣздѣ въ деревни мнѣ подавали списокъ №№, въ которыхъ были больные, и я акуратно заѣзжалъ въ каждый №. Квартировали мы въ связяхъ: съ одной стороны я, съ другой священникъ. На верху помѣщалась аптека, а графъ останавливался всегда возлѣ прусскаго штаба, въ особомъ, нарочно для него выстроенномъ домѣ, откуда и ѣздилъ осматривать работы по округамъ. Однажды, по обыкновенію проѣзжая мимо этого дома, я слышу кто-то стучитъ мнѣ въ окошко. Смотрю—графъ и машетъ рукой, чтобъ я къ нему зашелъ. Вхожу въ переднюю. Доложили обо мнѣ адъютанту. Я разсказалъ ему въ чемъ дѣло, затрудняясь войдти къ графу по причинѣ выпачканныхъ въ глинѣ ботфортъ, однако же дѣлать было нечего,—нужно было войдти. Вытерши ихъ клеенчатымъ плащемъ, который всегда надѣвался мною въ дорогу, я по докладѣ адъютанта вхожу къ нему съ трепетомъ сердечнымъ, въ полной увѣренности получить выговоръ за какое нибудь упущеніе по службѣ. Къ удивленію моему, онъ встрѣтилъ меня ласково и, дѣлая ручку, говоритъ:—«Милости просимъ; а я у тебя былъ сегодня, но, къ сожалѣнію, не засталъ тебя дома. Очень благодаренъ тебѣ за твою усердную службу. Продолжай служить такъ, и я тебя не забуду». И дѣйствительно, въ три года сряду я получилъ три награды. Въ первый годъ—чинъ, семью годами ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало, во второй — брилліантовый перстень и въ третій—орденъ. Пріѣхавши домой, я услышалъ о визитѣ графа ко мнѣ слѣдующее: подъѣзжая къ моей квартирѣ (это было въ 6 часу утра), онъ увидѣлъ моего деньщика стоящимъ на крыльцѣ, вышелъ изъ коляски и подошелъ къ нему, спрашивая: «а что баринъ дома?»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ деньщикъ.

— Гдѣ же онъ?

— Уѣхалъ на службу.

— Ты врешь, онъ вѣрно и домой-то еще не возвращался. Гдѣ нибудь заигрался въ карты да и теперь тамъ сидитъ.

— Да ихъ благородіе и въ карты-то не играетъ, ваше сіятельство...

— А тутъ кто живетъ?—спросилъ онъ, указывая на квартиру священника.

— Здѣсь живетъ батюшка...

— Что онъ женатъ или вдовъ?

— Женатъ-съ.

— Ну такъ веди меня къ своему барину.

Сказать по правдѣ, у насъ уже заранѣе давали знать, когда графъ поѣдетъ, и потому смѣтливый деньщикъ прибиралъ къ тому времени квартиру особенно тщательно. Такъ было и въ этотъ разъ. Графъ заглянулъ во всѣ углы, остался доволенъ чистотою и услышавши, что на верху толкутъ, спросилъ:—«Кто это тамъ толчетъ? Что тамъ такое?»

— Тамъ аптека ваше сіятельство, — отвѣчалъ деньщикъ, — а толчетъ фельдшеръ.

Графъ поднялся вверхъ по лѣстницѣ и вошелъ въ аптеку. Его встрѣтилъ испачканный фельдшеръ, который работалъ и пачкался каждый и цѣлый день, такъ какъ работы было всегда очень много. Вельможа любилъ заставать человѣка врасплохъ, считая въ этомъ случаѣ грязное платье лучшимъ доказательствомъ усердія. Даже и на чиновникахъ любилъ онъ видѣть поношенные мундиры и заключалъ по нимъ, что ихъ обладатели скорѣе заняты дѣломъ, нежели франтовствомъ и модами.

— А гдѣ же твой начальникъ, гдѣ докторъ? — спрашиваетъ графъ у фельдшера.

— Уѣхалъ на практику, ваше сіятельство.

— Какъ же ты смѣешь мнѣ врать: деньщикъ его сказалъ мнѣ, что онъ уѣхалъ съ вечера играть въ карты и до сихъ поръ не возвращался, а ты увѣряешь, что онъ отправился на службу.

— Да нашъ докторъ-то и въ карты никогда не играетъ, ваше сіятельство...

Графъ заворчалъ чтò-то себѣ подъ носъ, однако же остался доволенъ порядкомъ и въ аптекѣ, потомъ сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Безъ сомнѣнія всякій пойметъ, что выспрашивая обо мнѣ того и другого порознь, онъ думалъ, что, можетъ быть, кто нибудь изъ двухъ, не сговорившись предварительно между собою, скажетъ ему правду, но вышло, что оба сказали правду и, разумѣется, такъ какъ я служилъ дѣйствительно усердно, то—въ мою пользу.

Вообще графъ любилъ у кого бы то ни было выспрашивать о своихъ подчиненныхъ разныя мелочи. Съ этою цѣлью онъ въ деревняхъ имѣлъ даже шпіоновъ и шпіонокъ. Послѣдними были по преимуществу старыя бабы-колотовки, къ которымъ нерѣдко заходилъ онъ въ избы, гдѣ сидѣлъ довольно долгое время. Разъ, вижу, одна изъ такихъ бабъ кланяется мнѣ въ окошко. Я ей также поклонился. Оказалось, что за нею стоялъ графъ.

— Кому ты это кланяешься? — спросилъ онъ ее, думая, что я такъ рѣдко посѣщаю это мѣсто, что она меня и не знаетъ.

— Ивану Исаковичу,—отвѣчала баба: дай ему Богъ долголѣтняго здравія, душевнаго спасенія.

— А что такъ?

— А то, что онъ насъ бережетъ, да о насъ заботится,—отвѣчала она.

Такіе благопріятные обо мнѣ слухи, которыми графъ дорожилъ, отчасти мое искусство, а главное—усердіе, въ которыхъ онъ убѣдился собственными частыми опытами, сдѣлали то, что ему захотѣлось, чтобы я былъ его домашнимъ докторомъ.

Разъ, я тогда уже, впрочемъ, былъ главнымъ докторомъ новгородскаго губернскаго госпиталя, является ко мнѣ мой товарищъ по медицинской академіи, домашній врачъ графа — Орловъ и привозитъ съ собой высочайшій приказъ о назначеніи меня докторомъ при особѣ графа и предписаніе о сдачѣ госпиталя и должности ему, Орлову. Назначеніе послѣдовало безъ моего желанія, даже безъ всякаго предварительнаго объясненія со мною, а содержаніе назначено было гораздо менѣе, нежели я получалъ при госпиталѣ. Зная тяжелый характеръ графа, его скупость и дороговизну грузинской жизни, я не на шутку задумался, изыскивая способы уклониться отъ лестной обязанности сдѣлаться его домашнимъ человѣкомъ и, наконецъ, рѣшился немедленно отправиться въ Петербургъ къ Вилліе, а по дорогѣ заѣхать и къ графу, чтобы лично просить себѣ или другого назначенія, или прибавки жалованья.

Но товарищъ понуждалъ меня сдавать скорѣе должность, предсказывая въ противномъ случаѣ—жестокій выговоръ. Я однако же уговорилъ его повременить нѣсколько дней, пока все приготовятъ къ сдачѣ и, увѣривши, что ни онъ, ни я не подвергнемся никакой отвѣтственности за промедленіе, поспѣшилъ къ своему начальнику съ просьбою дать мнѣ заднимъ числомъ отпускъ въ столицу всего на 5 сутокъ. Генералъ не могъ отказать мнѣ въ бездѣлицѣ, такъ какъ я постоянно лѣчилъ все его семейство, и вотъ—въ тотъ же день я уже въ Грузинѣ, надѣлъ мундиръ,—и иду къ графу.

Это было въ 6 часовъ вечера. Я засталъ его за чаемъ. Онъ мелькомъ взглянулъ на меня и, проговоривши: «А — здравствуй! что, у тебя вѣрно новый мундиръ, и ты пришелъ ко мнѣ имъ похвастать»? продолжалъ пить чай.

— Нѣтъ, мундиръ старый, ваше сіятельство, но я пришелъ къ вамъ поговорить о своемъ назначеніи.

— Ахъ,—да! Вѣдь ты назначенъ ко мнѣ. Очень радъ!—И такъ скоро явился къ должности,—это замѣчательная аккуратность.

— Нѣтъ, я нарочно пріѣхалъ доложить вашему сіятельству, что хотя мнѣ и лестно было бы служить при вашей особѣ, но такъ какъ содержанія мнѣ назначено гораздо меньше, нежели я теперь получаю, то я не желалъ бы этого мѣста!

— Но вѣдь ты опредѣленъ высочайшимъ приказомъ, слѣдовательно это измѣнить уже нельзя.

— Однако же ваше сіятельство можете прибавить къ 2,000 еще 500 рублей: этого мнѣ было бы довольно.

— Нѣтъ, ужъ 500 рублей я тебѣ прибавить не могу.

— Въ такомъ случаѣ я буду принужденъ съ лучшаго перейти на худшее. Вашему сіятельству извѣстно, что я человѣкъ семейный, слѣдовательно долженъ заботиться и о будущемъ, а изъ 2,000 рублей уже ничего не отложишь.

— Я не понимаю о чемъ ты хлопочешь: дѣло уже кончено, и тебѣ остается только сдать должность и переѣхать сюда.

— Ну что же,—въ такомъ случаѣ я прослужу у васъ два мѣсяца и выйду въ отставку, а тамъ опредѣлюсь куда нибудь въ другое мѣсто. Въ отставку выйти мнѣ никто не можетъ запретить.

— Экой упорный шведъ!—сказалъ графъ,—ну, хорошо, я подумаю,—ступай теперь спать, да приходи ко мнѣ завтра: утро вечера мудренѣе.

Грустный возвратился я въ гостинницу.

— Кто живетъ въ сосѣднемъ домѣ? — спросилъ я, между прочимъ, прислужника.

— Графскій адъютантъ Клейнмихель, отвѣчалъ онъ мнѣ.—Графскій любимецъ, а—почитай, что никому нѣтъ больше работы какъ Петру Андреевичу. Деньщики говорятъ, что онъ и спитъ-то въ одёжѣ да въ креслахъ, — все боится, чтобъ не проспать, когда графъ къ себѣ потребуетъ. А почетъ небольшой, только что обѣдать къ нему ходитъ, да и то какъ въ чемъ оплошаетъ, такъ его сіятельство своему лакею наказываетъ: «скажи-молъ Петру Андреевичу, что для него сегодня прибора нѣтъ».

На слѣдующее утро я снова явился къ графу.

— Такъ ты рѣшительно не хочешь служить у меня? спросилъ онъ.

— При такомъ содержаніи это невозможно.

— Кто же назначается на твое мѣсто?

— Докторъ Орловъ...

— Орловъ?—А далеко твой госпиталь отъ Духова монастыря?

— Почти рядомъ.

При этихъ словахъ графъ сильно задумался. По его мгновенно измѣнившемуся лицу видно было, что его поразила какая-то мысль.

— Ну, этому не бывать!—это штуки, это все заранѣе расчитано, но имъ меня не надуть!—сказалъ онъ вдругъ, сердито покачивая головой.—Хорошо, приходи ужо вечеромъ, я тебѣ приготовлю письмо.

Чтобы объяснить вышеприведенный разговоръ Аракчеева со мною, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ Орловѣ.

Онъ былъ женатъ на умной, красивой и доброй женщинѣ, которую любилъ искренно. Это не помѣшало однако же грузинскимъ придворнымъ сплетницамъ распространить слухи будто бы онъ ухаживаетъ за воспитанницей графа молодой дѣвицей Татьяной Бо-

рисовной. Слухи эти, какъ говорятъ, были выпущены не безъ цѣли. Многіе изъ сплетницъ не любили доктора, а потому искали средствъ удалить его. Опытъ его недоброжелательницъ удался какъ нельзя лучше. Графъ, узнавши (и, разумѣется, въ самомъ соблазнительномъ колоритѣ) о неблагонамѣренности своего врача, взбѣсился какъ на него, такъ и на свою воспитанницу, а чтобы предполагаемая любовная интрига не шла дальше, послалъ дѣвицу въ Новгородъ, въ Духовъ монастырь, къ игуменьѣ, бѣличкой. Орлова же оставилъ пока при себѣ, предполагая, однако же, въ скоромъ времени смѣнить его мною. Такъ и случилось. Но дѣло въ томъ, что перемѣщая насъ—одного на мѣсто другого, графъ упустилъ изъ виду близость нашего госпиталя къ Духову монастырю или—иначе сказать—близость Орлова къ Татьянѣ Борисовнѣ. Этотъ промахъ узналъ онъ изъ моего разговора. Тутъ ему пришло на мысль, что разрозненная чета заранѣе уже столковалась снова сблизиться въ Новгородѣ и, хотя Орлову и въ умъ не приходило что либо подобное, но графъ былъ совершенно увѣренъ, что все это дѣлается не иначе, какъ по предначертанному плану. Невольно и неумышленно подведши снова подъ вельможенный гнѣвъ бѣднаго доктора, я этимъ лучше всякихъ просьбъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Вечеромъ графъ далъ мнѣ письмо къ Вилліе съ приказаніемъ вручить его немедленно по принадлежности.

Въ Петербургѣ, прежде чѣмъ явиться къ баронету, я зашелъ кой-куда по службѣ и вездѣ былъ встрѣчаемъ поздравленіями съ новымъ назначеніемъ. Признаться, эти поздравленія не слишкомъ меня утѣшали. Но по мнѣнію поздравителей такое довѣріе ко мнѣ суроваго графа было достойно зависти. Того же утра въ пріемный часъ я явился къ Вилліе и вручилъ ему письмо, отъ котораго, какъ я ожидалъ, зависѣло рѣшеніе моей участи. Онъ взялъ со стола свою лупу и, сквозь нее прочитавши письмо нѣсколько разъ, съ удивленіемъ спросилъ меня:

— Ты давно изъ Грузина?

— Я выѣхалъ изъ него вчера вечеромъ.

— Что, графъ здоровъ?

— Я оставилъ его совершенно здоровымъ.

— Такъ ли это?—Не замѣтилъ ли ты въ немъ какого нибудь разстройства?

— Нѣтъ, онъ былъ совершенно здоровъ.

— Удивительно! А я такъ думаю, что онъ сошелъ съ ума! Читалъ ли ты это письмо?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Ну, такъ я тебѣ скажу, что нѣсколько дней тому назадъ онъ просилъ меня убѣдительно, чтобы я перевелъ тебя къ нему, а теперь онъ проситъ одной послѣдней милости у государя,—чтобы тебя оставить на томъ же мѣстѣ.—Согласись, что это странно,—

какъ же я могу доложить объ этомъ государю? Сегодня одно, а завтра другое. По крайней мѣрѣ, объясни мнѣ причину этого удивительнаго противорѣчія.

Я разсказалъ ему о подозрѣніяхъ графа относительно Орлова. Онъ много смѣялся, государю доложить не осмѣлился, но чтобы сдѣлать угодное вельможѣ,—устроилъ это дѣло такъ, что я остался на прежнемъ мѣстѣ, Орловъ былъ переведенъ въ дальнюю губернію, а къ особѣ графа назначили новаго доктора.

Много кой-чего я могъ бы еще разсказать о графѣ, да всего вдругъ не припомнишь. Впрочемъ, такъ какъ прежде я говорилъ уже о его скупости, то для подтвержденія ея фактами, считаю достаточнымъ сказать, что обыкновенный обѣдъ его былъ чрезвычайно бѣденъ: вмѣсто мясного или рыбнаго жаркого—подавали часто жареный картофель, а пирожное замѣнялось гречневой кашей,—конечно, и въ этомъ можно найти хорошую сторону, объясняя такую небогатую пищу умѣренностью и простотою жизни, но тотъ, кто жилъ въ Грузинѣ и зналъ, сколько рублей взималъ графъ со своего крестьянина за выстроенную ему избу, безъ сомнѣнія согласится со мною, что скупость составляла отличительную черту его характера.

Я упоминалъ также, что характеръ его былъ тяжелъ. При этомъ не могу не вспомнить разсказовъ одного изъ графскихъ докторовъ, который долженъ былъ безотлучно находиться при этомъ вельможѣ въ часы его безсонницы. Это была истинная пытка. Раздражительный и капризный болѣе чѣмъ когда либо—графъ ложился обыкновенно, въ это трудное для всѣхъ къ нему приближенныхъ время, на диванъ, а доктора сажалъ около себя. Послѣ тягостнаго молчанія, прерываемаго тяжелыми вздохами, онъ вдругъ обращается къ доктору и говоритъ, протягивая къ нему руку:

— Пощупай мнѣ пульсъ!

Докторъ пощупаетъ ему пульсъ.

— Что, я боленъ?—спрашиваетъ графъ.

— Да, ваше сіятельство, вы больны.

— А знаешь ли, отчего я боленъ?

— Не знаю, ваше сіятельство!..

— Ну, такъ я тебѣ скажу: оттого, что ты дуракъ.

Наступаетъ опять молчаніе; слышатся вздохи и призываніе Бога.

— Что же ты все сидишь? скажетъ вдругъ графъ доктору.— Ты бы походилъ!

Докторъ начинаетъ ходить. Мало по малу шаги его надоѣдаютъ начальнику.

— Ты мнѣ и вздремнуть не дашь,—говоритъ онъ доктору,— все ходишь, хоть бы посидѣлъ.

Врачъ опять садится; тамъ опять ходитъ,—словомъ, чтобы не раздражить больного, становится вполнѣ его автоматомъ.

Неправда ли это похоже на кошку, которая играетъ съ пойманною ею мышью?

Такія траги-комедіи продолжались иногда въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Не мудрено, что слышавши о нихъ, я не рѣшился быть его домашнимъ докторомъ.

И какая же награда ожидала за это врача?!. Разъ при мнѣ за обѣдомъ графъ передалъ гостямъ бутылку съ виномъ, чтобы они налили себѣ рюмки (которыя, кстати сказать, были не болѣе наперстка), а когда дошла очередь до доктора:—«Ему не наливайте,— ему не надо», сказалъ графъ,—«дайте сюда бутылку».

Впрочемъ, грубость его съ подчиненными всѣмъ извѣстна. Я помню, какъ, осмотрѣвши работы на лѣсопильномъ заводѣ (что по Волхову), производство которыхъ было поручено одному подпоручику, графъ, недовольный ими, велѣлъ этому офицеру стать къ себѣ на запятки и повезъ его, такимъ образомъ, въ Грузино, слѣдовательно около 60-ти верстъ, и только тамъ отпустилъ его домой пѣшкомъ, не сдѣлавши, однако же, никакого замѣчанія. Съ прислугой онъ былъ еще суровѣе. Его лакеи служили за столомъ со страхомъ и трепетомъ. Достаточно было уронить вилку, чтобы онъ значительно мигнулъ виновному, и, смотришь, на мѣсто него къ столу является уже другой лакей, а тому на конюшнѣ отсчитываютъ 25 полновѣсныхъ ударовъ. Вообще порядокъ, а также и чистоту, любилъ онъ до излишней щепетильности. Мельчайшее упущеніе въ установленныхъ въ этомъ отношеніи правилахъ выводило его изъ себя. Такъ, напримѣръ, положено было, чтобы въ больничныхъ канцеляріяхъ всегда на столѣ были линейка и приборъ съ чернильницею и съ песочницею, а на немъ карандашъ, резина, перочинный ножикъ и два пера — непремѣнно безъ опушки, такъ какъ такими перьями писалъ самъ графъ. Все это такъ и лежало на случай ревизіи въ каждой больничной канцеляріи неприкосновеннымъ и новымъ. Но однажды при ревизіи самого графа одинъ изъ фельдшеровъ, какъ нарочно, второпяхъ забылъ на казенной чернильницѣ свое собственное перо съ опушкою. Оно бросилось графу въ глаза прежде всего, и такое упущеніе онъ счелъ чуть не личнымъ оскорбленіемъ. Начался разборъ, кому принадлежитъ это перо, какъ и зачѣмъ оно здѣсь, когда неоднократно подтверждалось, что перья должны быть по извѣстному образцу; замѣчаніямъ и выговорамъ не было конца. Досталось всѣмъ отъ старшаго до младшаго, и, если бы главный докторъ не былъ извѣстенъ графу своимъ усердіемъ, то несчастному писарю пришлось бы дорого поплатиться за свою разсѣянность.

Не одних служащихъ распекалъ онъ за безпорядокъ. Даже дамы подвергались въ этомъ случаѣ его неудовольствію. Однажды жена смотрителя штабнаго зданія, увидя, что ѣдетъ графъ, велѣла вымести скорѣе комнаты. Деньщикъ, думая хорошенько запрятать соръ, прикрылъ его рогожей у порога въ сѣняхъ. Графъ, проходя

въ квартиру смотрителя, вѣроятно, почувствовалъ его ногами подъ рогожей. Осмотрѣвши всѣ комнаты и оставшись довольнымъ ихъ чистотою, онъ вызываетъ въ сѣни жену смотрителя и, велѣвши деньщику приподнять рогожу и указывая на соръ, говоритъ:

— Какъ вамъ не стыдно, сударыня; вы думали, что я ничего не увижу; смотрите, чтобы этого впередъ не было, а то вамъ больше не жить въ этой квартирѣ.

Сказавши о дамѣ, не могу не замѣтить, что въ дамскомъ обществѣ графъ любилъ говорить самыя грязныя вещи, и это его тѣшило. Между тѣмъ, изъ писемъ его къ Настасьѣ и изъ обращенія съ нею видно, что онъ могъ быть очень нѣженъ и любезенъ съ прекраснымъ поломъ. Объяснять подобныя противорѣчія не наше дѣло; я разсказываю только факты и заключу ихъ тѣмъ, что въ день смерти своей возлюбленной онъ не былъ въ Грузинѣ и, такъ какъ ему боялись объяснить о ея кончинѣ, то въ округѣ всѣ узнали о ней прежде, нежели онъ самъ. Въ полной увѣренности, что такое извѣстіе будетъ для него ужасно, докторъ графа рѣшился мало по малу приготовить его къ этому жестокому удару. Съ этою цѣлію онъ сперва сказалъ ему, что Настасья опасно больна. Алексѣй Андреевичъ велѣлъ сейчасъ же заложить карету и поскакалъ въ Грузино. Не доѣзжая десяти верстъ, врачъ объявилъ ему, что она умерла, умолчавши однако же о томъ, что ее убили. Тогда графъ приказываетъ остановить экипажъ, высаживается изъ него, падаетъ на землю, рветъ ее въ отчаяніи руками, рыдаетъ и стонетъ какъ звѣрь. Кровавая драма, послѣдовавшая за этимъ событіемъ, я думаю, многимъ извѣстна, какъ и то, что тогдашній губернаторъ Жеребцовъ превысилъ по поводу ея, по настоянію Аракчеева, свою власть, а графъ потерялъ всякую довѣренность государя.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ графа, сопровождавшимъ траурную колесницу покойнаго императора Александра I. Въ Чудовѣ по поводу панихиды вышло между нимъ и графомъ Орловымъ столкновеніе, доказавшее окончательно, что онъ лишился всякаго значенія. Вотъ какъ было дѣло. Тѣло привезли въ Чудово вечеромъ; на утро была назначена панихида; Аракчеевъ просилъ, чтобы ее назначили въ 10 часовъ, но думая, что его будутъ ждать, опоздалъ явиться вò-время и засталъ ее уже на исходѣ. Это показалось ему до того оскорбительнымъ, что онъ рѣшился сказать по этому поводу нѣсколько словъ графу Орлову.

— Это не ваше дѣло, ваше сіятельство,—отвѣчалъ ему Орловъ,— распоряжаться кортежемъ уполномоченъ здѣсь я, а не вы, слѣдовательно, всякое замѣчаніе съ вашей стороны будетъ излишнимъ.

Тогда Аракчеевъ смиренно сталъ въ уголъ, и по печальному выраженію его суроваго лица видно было, что онъ сознавалъ свое значеніе навсегда уже утраченнымъ.